

Глава 18.

Было сказание о том, как женщина смотрит под светом Луны и светом огня. Мужчины были такими же, но никогда не было ничего, что увлекало бы тело человека при любом свете, кроме, может быть, их лиц.

Даже домашняя женщина будет выглядеть как богиня, когда она улыбается. Даже неприличная женщина может сиять как нимфа, если она танцует. Теперь женщина танцевала под светом двух лун и светом огня. Каждый мужчина, женатый, молодой, старый, чувствовал огонь в крови и железо в костях. Те, кто были женаты, все еще были немного более сдержанными. Но для них их женщины присоединились к цыганским танцовщицам, чтобы облегчить это маленькое желание. Это было по-другому. Это было не желание похоти или даже любви. Это было скорее чувство желания смотреть на что-то изящное и красивое так долго. Это была эмоция, которая прошла через них всех. Поэтому песни не имели значения, поэтому музыка или танец не имели значения. Все это было по своей сути, эмоция. Уставшие лица все еще улыбались.

Гурена не заставляли показывать себя людям. Скорее, цыгане знали, что это был он, и пассивно пробивались к нему. Водитель удобно убежал после того, как сказал Гурену, что его попросили пойти на небольшую сцену. Он был эффективно загнан на путь, который они предложили ему. Он знал, что он не похож на дурака, поэтому он тихо пробрался. Музыка была хорошей, и люди казались счастливыми. Он не привык видеть других такими счастливыми. В песках была радость, но так как они должны были быть готовы к предательству мира, в котором они жили, их радости праздновались быстро, и это было сделано. Даже Отступники сделали это таким образом. Казалось, что его тетя немного изменилась от ее времени вдаль от Песков. Тем не менее, было неплохо подумать, что все эти люди были здесь, чтобы разделить радость своей тети. Он почувствовал немного радости от Амры. Она становилась лучше, защищая свои эмоции от него. Она была довольно милой по-своему. Он несколько раз ловил ее взгляд на себе, и это широко раскрытое любопытство обо всем, что было для нее новым, заставляло ее казаться такой...милой. Это было частью его боли. Конечно, у нее могло быть лучшее будущее среди людей.

Он не был удивлен, что ни один человек, казалось, не заметил, даже когда он пробрался на маленький подиум. Музыканты отошли немного, чтобы дать ему немного места для сидения. Он сел бесцеремонно. Он не удивился, когда увидел перед собой барабан. Они хотели, чтобы он присоединился, и он присоединился бы даже без их настойчивости. Было приятно делать музыку даже в худшие дни. Однако, как и планировалось, в тот момент, когда он поднял руку, чтобы запустить барабаны, все остановилось. У жителей деревни было такое же ошеломленное выражение лица, как у Гурена. Только его один удар барабана резонировал сотрясая их всех. Танцоры, певцы и музыканты, все сели и улыбнулись. Они знали, что это был план Лайланы. Это была небольшая хитрость. В то время как она порхала, чтобы сделать шоу успешным, ее секретный план дразнить своего племянника был также введен в действие.

"Ну, люди, здесь мой племянник. Видя, как он со своей женой, они решили предоставить нам свое собственное выступление. Так угодите, тепло приветствуйте их. Конечно, они могут быть не такими изящными, как наши профессионалы, но, пожалуйста, поддержите их. Если кто-нибудь из вас посмеет дразнить моего племянника, я помогу вам с ареалом." Тогда Гурен хотел кричать. Разве его тетя не дразнила его? Он не мог ни танцевать, ни петь, ни даже играть в этом спектакле. С Амрой все будет в порядке? Конечно, она не была зачинщиком этого? О чем он только думал? Он даже сам себя не знал. Он просто посмотрел на Лайлану. Он не собирался возвращаться к своей тете в течение трех лет из-за этого. Или так он обещал себе.

Он посмотрел на свою тетю, которая просто озорно улыбнулась ему. Казалось, что у нее все еще было твердое понимание его характера, несмотря на то, что она не видела его долгое время. Это было странно, но она снова казалась его тетей. Это было странное чувство желания обнять ее и задушить одновременно.

Это было тогда, когда он увидел ее.

Амра очень надеялся, что Гурен не будет слишком разочарован в своей жене. Ведь она была намного старше любой невесты. Кроме того, у нее было впечатление, что у него были другие мысли о ней. Может быть, даже попросить некоторых из лучших отступников разорвать ее связь с жизнью. Она этого не хотела. Это единственное, что удерживало ее на юге. Без связи с жизнью она просто была бы вынуждена вернуться и стать пешкой в действиях племен. Она была готова отказаться от своего статуса главной жены, если он так настаивал на том, чтобы получить жену позже. Она просто хотела остаться с ним, в свете дня. Этого было слишком много? Именно с этой эмоцией она вышла на "сцену". Она носила платье из тени и звездного света. Это и ее природная красота сделали ее чем-то вроде феи, спустившейся на землю. Она сосредоточила все свое внимание на их связи, чтобы увидеть, что он на самом деле думает о ней. На целую секунду ничего не было, и тогда связь была слишком сильной для ее ума. Все, что она чувствовала, это ревущее пламя и нечто большее. Он был отрезан в тот момент. Однако она увидела его выражение тогда. Возможно, это было выражение удивления и желания. Тем не менее, это сделало ее счастливой.

"Как ты справляешься с этой ночью?" Амра задала вопрос. Она никогда не могла достичь свободного владения старым языком, как Гурен. Она не была уверена, что кто-то из старейшин может говорить так же свободно, как он.

"Я в порядке, миледи. Если бы я мог быть таким нападающим, чтобы сказать, что ваша красота ставит все, что я видел, в позор. За это зрелище я преклоняюсь перед вами", - сказал Гурен с очаровательной улыбкой. Он встал и поклонился. Все замолчали, а потом рассмеялись. "Итак, моя жена, скажите мне, хотите петь или танцевать?"

"Танцевать, наверное. я не знаю. Мы должны это сделать?"

"Моя тетя никогда бы нас не отпустила. Тогда я буду петь. Прошу вашей помощи в этом вопросе", - сказал Гурен Амре и другим музыкантам. "Я извиняюсь", - сказал он на общем языке достаточно громко, чтобы позволить другим услышать его. "Я был просто потрясен тем, насколько великолепна моя жена. Не теряя времени, я буду петь, пока моя жена танцует. Пожалуйста, простите нам наши ошибки и наслаждайтесь нашим выступлением." Лайлана была немного шокирована. Это был мастерский удар.

Жители деревни были полностью согласны. Женщина, которая стояла перед ними не была обычной. Ее рыжие волосы и бледная кожа осветили ее в темных одеждах. Ее природное обаяние и Грация возвели ее на пьедестал красоты, которую обычно не видели. Однако они не были слишком удивлены. Женщины Песков всегда были великолепны. Эта женщина была слишком изысканной.

"Когда...когда я пел", - с сомнением пел Гурен. Затем он снова прочистил горло. Он покачал головой и закрыл глаза. Затем он сел в середине сцены и сделал глубокий вдох. Он выпустил его и, казалось, нашел место, чтобы сосредоточиться.

Когда я пел,

Богиня была очарована

Когда я танцевал,
Ее бледное лицо покраснело,
Когда я смеялся,
Луна разделяла нашу радость.

Одна протянутая рука,
Другая в поклоне
Она улыбается,
Луна сияет.

Когда я пел,
Богиня Ван спускается.

Он пел старую песню. Он пел не на общих языках, а на старом языке, на котором он продолжал говорить. Значение слов будет отпечатываться в умах людей и гораздо больше, чем это, это были слова, которые сделали магию. Таким образом, даже когда он пел, они могли видеть форму истории. Стихотворение было простым делом. Это была история о любви между смертным и его лунной богиней. Это была старая сказка и даже в его пении волшебство закрутило сказку для них.

Амра все еще была, и когда он пела, шок пробежал по ее телу. Почему он пел эту песню? Его голос был подчеркнут постоянным ударом барабанов, разделяя песню на своего рода бездыханный темп, где в любой момент времени можно было сделать только половину дыхания. Если это была только песня, это не было проблемой. Проблема заключалась в том, что в песне воплотились певица и танцовщица, которые начали разыгрывать свои роли. Вид смертного и богини было достаточно, чтобы заставить их потерять даже половину дыхания, которое осталось.

Амра была богиней. Она двигалась медленными шагами. Каждый шаг был и паломничеством. Она вращалась вокруг Гурена в медленном бездыханном круге. Это тоже была песня. Браслеты были вокруг ее ног, и они тихо звенели на каждом шагу. Как будто она тоже пела другую песню. Песня о том, как богиня тоскует по своей земной любви. Она была как пламя в ночи.

Я поднимаю глаза
Чтобы увидеть ее взгляд
Я содрогаюсь
И попрошу ее руки в браке.

Свет и пламя сформировали другой образ в их сознании. Молодой человек, который ждал затаив дыхание, чтобы увидеть ее одобрение наконец. Как будто в ответ на его пение, она танцевала вокруг него сдержанными шагами. Было ясно, что она хотела прийти, но не могла удержаться на расстоянии.

Бледная луна действительно дрожала,

Богине сделал предложение.

Принять или отклонить,

Либо лежит только смерть.

Поклон для жены,

Поклон для мужа

Где желание

Где любовь

Богиня меньше улыбается,

Смертный теряет намного больше...

Песня продолжилась. В то время как песня звучала красиво, и ритм был чрезвычайно быстрым, это было трагедией для начала. Смертному и богине никогда не суждено было быть. Один умрет в один день, а другой никогда не откажется от бессмертного долга.

Это была не сложная история, просто в конце, смертный умер от радости, рад был встретить свою любовь. Осталась только богиня, ее судьба - просто смотреть на мир без любви. Барабанные удары подставили все это. Быстро и тяжело. Давление богини, спускающейся, было на них. Гурен не закончил. Песня была не такой, как раньше. Это закончилось бы сейчас, оставив только кислое чувство агонии, что даже такая чистая любовь не может быть даром некоторого утешения в мире.

Мир действительно дрожал,

Небо не утонет

Ищу свою любовь,

Богиня идет ниже

Темнота изобилует глубинами

Свет рождается заново.

Петь на старом языке было тяжело. Только правда может быть выражена. Песни, подобные этой фантастике, были реальными только потому, что певец верил. Магия слов продолжалась. Смертный был окутан тьмой, в то время как свет вокруг богини стал темнее и еще более интенсивным. Она бы не поддалась всему миру. Мир задолжал ей слишком много за это. Поэтому она обернула свет вокруг себя и спустилась в преисподнюю в поисках своей любви.

Песня Гурена была немного другой, обычно в этот момент, поворот событий будет сведен к испытаниям и проблемам, с которыми ему пришлось столкнуться, чтобы вернуть свою любовь. Однако, он сосредоточился на своих чувствах. Смертный тоже не ждал своей любви. Вместо этого он сражался с Аль-хозяевами и демонами в подземном мире, ища свой единственный шанс вернуться на ее сторону. Здесь не было морали, это была простая история любви. Шаги богини потрясли подземный мир, и человек знал, что она здесь. Они столкнулись с трудностями и снова были вместе. Разница лишь в том, что каждый из них пожертвовал собой.

Один потерял свою смертность и стал чем-то вроде судьи в подземном мире, а другой потерял свой блеск. Она больше не будет целой. Она теряла свой блеск и приобретала его каждую ночь, чтобы проводить время со своим мужчиной. То, что не было цельным, не могло быть Верховным Богом. Таким образом, она потеряла силу и больше не потрясала мир, но она была счастлива. Тот, чей мир трясся за нее, все еще повиновался ей во всем. В конце концов,

Когда я пел,

Богиня была очарована

Когда я танцевал,

Ее бледное лицо покраснело,

Когда я смеялся,

Луна разделяла нашу радость.

Одна протянутая рука,

Другая в поклоне

Она улыбается,

Луна сияет.

Когда я пел,

Радостная богиня кружится вокруг меня.

Рыжеволосая богиня так пылко крутилась вокруг своей любви, что сомнений не было. Ее любовь была всеохватывающей. Ее взгляд не оставил его ни на секунду, видя все и надеясь, что он сделает то же самое для нее. Она никогда не будет разочарована, ибо даже когда она искала его, он искал ее. Каждое движение каждого волоска на ней было под его контролем. Каждый дюйм принадлежал ему. Даже боги и правила мира не могли противостоять этому. Рыжеволосая богиня посмотрела на певца, умоляя его продолжать петь, чтобы позволить ей быть здесь еще несколько минут. Она умоляла его позволить ей проявиться еще некоторое время. Немного дольше, чтобы позволить ей смотреть на свою любовь еще некоторое время.

Барабан и ножной браслет смешались в еще более приятных каденциях, как звуки двух людей, смешиваясь вместе. Затем, когда звук отражался вокруг них, он достиг пика, а затем внезапно остановился. Магия продолжалась еще мгновение в тишине.

Богиня остановилась,

Я все еще ищу ее, влюбленный.

Она смотрит на меня

И я теряю самого себя.

Она улыбается мне

Это вся любовь, которую я могу вынести

Это все радость, которую я могу нести, и я иду сейчас

К ней, к ней,

Ибо там я остаюсь спасенным.

Богиня остановилась и улыбнулась. Это была ее любовь. Он умел очаровывать даже деревья своими плодами, когда пытался. Она улыбнулась и в этот момент магия закончилась.

Песня была закончена. Богиней снова была Амра, которая все еще была великолепна, но больше не обладала эфирным качеством своей красоты во время выступления. Гурен больше не был доблестным юношей, который даже сражался с призраками подземного мира, он был просто обычным членом клана людей. Тем не менее, было только молчание. Слов на старом языке, языке магии, старых богов было достаточно. Одного этого было бы достаточно, но было что-то еще. Партии, сыгранные здесь, играли два человека, которые чувствовали то же самое, что и их персонажи. Или так казалось бы из того, как они смотрели друг на друга. Так что это улучшило искусство. Это превратило его во что-то, что на самом деле не объяснимо. Все, что они знали, было то, что когда представление было сделано, острая боль была всем, что осталось. Это было то, что они никогда больше не увидят. Это само по себе было душераздирающим. Было бы почти лучше, если бы это выступление не было сделано с самого начала.

<http://tl.rulate.ru/book/15183/318799>